

Михаил ДАНКОВ

г. Петрозаводск

ПЕТРОВСКАЯ ФОРТЕЦИЯ НА БЕРЕГУ ОНЕЖА, ИЛИ ПЕТРОПАВЛОВКА НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ?

Общеизвестно, что имперская столица России Санкт-Петербург и Петрозаводск возникли в 1703 году. Жители нашего города испытывают безусловный пиетет и нескрываемую гордость от этого. Не случайно Петрозаводск называют младшим братом Питера... Именно так, «брат», рожденный в лихолетье Северной войны (1700–1721) со Шведским королевством.

Однако для большинства любопытствующих окажется интересным малоизвестный факт – боевая фортеция, построенная у Петровского завода в 1712–1713 гг., и знаменитая Петропавловская крепость на Неве, возведенная в 1703–1704 гг., как две капли воды походили друг на друга.

О впечатляющей деревоземляной крепости, выстроенной в 1712–1713 гг. в заводском посаде Шуйского погоста Олонецкого уезда и, к сожалению, ныне утраченной, даже исследователи почти ничего не знают.

Однако возводимая с осени 1703 г. промышленная слобода и сначала сооружение внешнего защитного вала, а позднее – крепости на территории современного Петрозаводска без сомне-

ния свидетельствуют о своеобразии русской градостроительной и оборонной традиции начала XVIII столетия. Заметим: металлургический доменный Шуйский (Петровский) завод и жилая слобода имели более оснований для отстройки «крепостных сооружений», столь необходимых для «обереги» от внешнего нападения, чем аналогичные предприятия Урала и Сибири. В этом смысле инженерные оборонительные объекты на берегу Онежского озера способны более внятно прояснить вопросы, связанные с созданием в напряженные годы Северной войны в глухой и безлюдной местности на пограничных землях со Шведским королевством устойчивых тыловых защитных укреплений.

Начнем с того, что молодой царь Петр, вернувшись в 1698 г. из европейского вояжа в составе Великого посольства, «с охотой» перенес на русские земли европейский опыт оборонительной стратегии. Государю пришлось по душе новаторские идеи знаменитого французского военного инженера Себастьяна Ле Претра маркиза де Вобана. Петр с немалой энергией перенял в изысканную методику возведения «иде-

ально правильных деревоземляных сооружений», способных уменьшить наступательные действия неприятеля.

Регулярность новых «городов-заводов» с земляной фортификацией на Русском Севере, безусловно, стимулировалась военным фактором. Вместе с тем стартовый этап обустройства на земле Шуйского погоста укреплений имеет массу «глухих» недоговоренностей. Дело в том, что памятник петровского времени, возведенный на одной из нижних горизонталей в устье бурной р. Лососинки (Лососинницы), впадающей в Онежское озеро, ныне не сохранился и во многом для исследователей представляется виртуальным объектом. Источниковедческие пустоты о заводском поселке начала XVIII века, в ревизских сказках 1720–1723 гг. называемом «Солдатская слобода», который насчитывал 600 дворов с населением в три тысячи человек, усугубляются размытыми представлениями о самой «фортеции».

Ситуацию не могут прояснить случайные находки, хранящиеся в фондах Национального музея. Например, ствол чугунной пушки с клеймом «Olonez 1711», поднятой в 1960 г. при дноуглубительных работах в акватории Онежского озера, ныне размещенной на смотровой площадке в петрозаводском Губернаторском саду. А также офицерский четырехгранный клинок с тремя коронами и клеймом «Klingenthal», который строители Публичной библиотеки в 50-х гг. прошлого века обнаружили на месте одного из южных бастионов «фортеции». Как много удивительных исторических свидетельств еще скрывает наша земля.

Так получилось, что о деревоземляной крепости отсутствует пласт установочных документов, включая реляции или указы, обязывающие начать стройку. Дефицит ясных по смыслу исторических данных сформировал миф о причастности к строительству фортеции самого государя. Однако это не доказано. Специалистам по-прежнему недоступны инженерные чертежи, по которым сооружались объекты, неизвестны архивные источники, способные ответить, когда именно и какими силами строились укрепления, каков по численности был гарнизон и артиллерийский парк, кто являлся первым комендантом крепости. Усложняет анализ ситуации отсутствие системных археологических данных об интересных памятниках раннепетровского времени.

Вместе с тем первое свидетельство о земляном вале и «крепостице» при заводе находим в

относящейся к началу 20-х гг. XVIII в. рукописной топографической ленд-карте «Чертеж Петровских заводов строению, а что в котором месте построено значит под цифирным словом». Любопытный фиксационный графический план рабочего посада (с масштабной инструментальной линейкой от 5 до 100 единиц в «саженях Лозаришина») отмечает внешнюю оборонительную линию, а под опцией «Город» – шестибастионное «правильное» укрепление.

Чертежный лист, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов, выполнен рукой «сговоренного» в Западной Европе артиллериста и фейерверкера Матвея Матвеевича Витвера, о чем свидетельствует его автограф «artillery oberster M. Wittwer», указанный в экспликации плана.

В 1960 г. «Чертеж» в виде рисуночной версии впервые был опубликован петрозаводскими учеными Е. Еленевским и И. Мироновым, а через десятилетие документ внимательно проанализировал маститый исследователь И. Мулло. С тех пор «ленд-карта» неизменно вызывает обостренный исследовательский интерес и многочисленные интерпретации.

К сожалению, М. Витвер не датировал свою работу. Между тем планировочный план с фиксацией крепости и оборонительного вала создан, очевидно, не ранее апреля 1722 г., времени отъезда «с реки Сестра» бывшего начальника олонечких заводов голландца В.И. Геннина.

Тогда выдающийся инженер-администратор, назначенный комендантом Уральского горного округа, вывез из Карелии не только специалистов, но и часть документации Петровского завода. Ведь строительство екатеринбургских заводов велось по «неким» чертежам, присланным из Олонецкого уезда. Идея привести заводское дело Урала «в доброе состояние» заставила создать «чертежи против маштапа», чтобы «могли в Сибири против того построить». План иноземного артиллериста и талантливого инженера М.М.Витвера, без сомнения, мог стать фрагментом загадочных чертежей, предназначенных для строительства крепости в Екатеринбургe.

Работа М. Витвера, который с октября 1721 г. именуется полковником, подтверждает тот факт, что планировочные действия в петровской России, в том числе создание «ленд-карт» с чертежами крепостей и оборонительных валов, часто поручались иноземцам, прекрасно владеющим топографической культурой и математическими методами расчета.

Как бы там ни было, «Чертеж» отразил не только промышленный и жилой комплекс посада, но зафиксировал для нас любопытные провинциальные фортификационные новации. В этом смысле «ленд-карта» учла индустриальную и военную логику прифронтовой территории и превратилась в первый генеральный «план развития» будущего города Петрозаводска.

Согласимся, документ, отражающий площадь в 36 десятин, успешно демонстрирует пространственный масштаб единовременного освоения малозаселенной территории. План с «масштабом» указал не только «фортецию» 1712–1713 гг., но и более ранний земляной защитный вал со рвом, опоясывающий промышленную зону и жилые слободы.

Строительство индустриального центра, предназначенного для литья орудий, на землях, контролируемых в течение века шведским правительством, безусловно, заставило администрацию организовать вокруг завода внешнее кольцо обороны. Однако точная дата возведения земляной стены современным специалистам неизвестна. Скорее всего, как и на Лодейнопольской (Олонецкой, Свирской) верфи, работы начались в 1703–1705 гг.

Нас поражает, что многоугольный насыпной вал «в своей геометрии» напоминает деревоземляную Санкт-Петербургскую крепость, а также то, что начальная линия обороны, судя по всему, послужила матрицей для более мощных укреплений на береговой террасе Онежского озера, возведенных через десятилетие. Между тем степень инженерного совершенства «защитного» объекта до сих пор вызывает сомнения. Обратим внимание на одно примечание топографического чертежа. Прекрасно осведомленный в фортификации, М. Витвер объединил понятия «земляной вал» и «редут», при этом сам вал оставил почему-то без пояснений. Фейерверкер за пятиугольным выступом в Ю-В углу «ленд-карты» отметил некие постройки в линию и назвал их «Слободой подле редута».

В Петровскую эпоху редутом («редюитом») называлось внутреннее инженерное укрепление на углах замкнутой крепостной ограды, способное самостоятельно держать оборону. Чем вызвано то, что поселочек «подле редута» оказался незащищенным и расположился за пределами оборонительного вала? Может, «слобода» возникла позже строительства укреплений, когда угроза налета шведских отрядов утратила смысл? Во всяком случае другие объекты за

оборонительной стеной точно возводились в годы расцвета заводского посада. К ним относятся «Слобода мастерские избы», «Слобода тульских [и] иных городов кузнецов», «Якорная», «Ложевая» мастерская, «Казенный аньбар и протычие», а также «Двор цейхквтера» (искаженное «цейхвар[х]тер», так в начале XVIII столетия именовался начальник арсенала). Кроме того, за пределами вала оказались две «Плотины», а на левом берегу Лососинки Витвер разместил «Сальдатскую слободу» и «Слободу против градских ворот гостин двор».

Кое-что, связанное с земляным оборонительным валом и рвом, ныне стало понятно после археологической экспедиции под руководством А.М. Спиридонова, которая в 1996–2000 гг. изучала территорию заводского посада.

Что же было обнаружено? На склоне естественной террасы, обращенной к Онежскому озеру, на глубине около полуметра археологи обнаружили материковый провал из развала камней, замытых в серой глине с галькой, находящихся выше прослойки истлевшей щепы. В результате расчистки углубление оказалось с «неровными краями», шириной от 5 до 6 метров и глубиной от материка до метра. На дне эскарпированного склона исследователи зафиксировали крупные валуны, плотно пригнанные друг к другу. Это дало право предположить, что исследователи «зацепили» тот самый «ров» вокруг заводского поселения.

Из его заполнения специалисты извлекли «невнятные» находки, главным образом бытовые отбросы, расколотые кости животных, гвозди, осколки бутылочного стекла и глиняной посуды. По обнаруженному в верхнем слое фрагменту московской чернолощеной керамики, а также по «капле» чугуночной орудийной шрапнели, изготовленной на Петровском заводе, «яма» была датирована XVIII столетием. Однако археологи не смогли зафиксировать следы самого «вала», называемого куртиной.

И все-таки находки позволяют сделать некоторые выводы о начальном укреплении заводской слободы. Скорее всего, периферийный оборонительный вал, «охватывающий» посад, не имел классического рва с четким геометрическим профилем. Ведь и М. Витвер отметил куртину лишь «слепым» пунктиром, а не двойной линией, как вдоль «фортеции». Это значит, что выкапывание мощного оборонительного рва отвлекло бы строителей от первичного обустройства заводских цехов, плотин и жилых зданий. В

этом смысле данные археологических работ прекрасно согласуются с «ленд-картой». Все говорит о том, что неглубокий ров на южной границе природного склона террасы был лишь незначительно «подрезан».

Между тем отсутствие прямых археологических свидетельств о наличии деревоземляных укреплений в виде рубленых объектов или частокола, за исключением скромной прослойки щепы и сброшенных вниз склона валунов, подтверждает «куцый» вид куртины и ее «летучий» срок существования.

В то же время скромные результаты натурных исследований не отрицают очевидную мысль о необходимости в будущем на территории Петровской слободы более настойчиво проводить поисковые раскопки. Как бы там ни было, скорее всего, начальный «вал» был срыт, а «ров» засыпан в эпоху расцвета индустриального поселка в первой четверти XVIII столетия, возможно при В.И. Геннине. В результате успешных боевых действий линия фронта оказалась отодвинута на запад к Балтийскому побережью, а Шуйский завод в кольце обороны утратил смысл. Именно поэтому встал вопрос о строительстве новой, в пять раз меньшей по площади, но более внушительной деревоземляной крепости.

Что же предшествовало возведению фортеции? Стоит вспомнить указ от 20 февраля 1705 г., подписанный губернатором Петербурга А.Д. Меншиковым. Стремясь снять противоречия между комендантом округа И.Я. Яковлевым и его заместителем А.С. Чоглоковым, любимец царя попытался «разрулить» напряженную ситуацию. Указ отнес под руку А. Чоглокова к «железному делу» всех крестьян «Олонецкого уезду погостов и волостей», а также «Соловецкого монастыря посацких людей». Под начало И. Яковлева к строительству верфи на р. Свирь приписывались работные люди Каргопольского, Белозерского и Пошехонского уездов. Таким образом, «ведать» стройкой заводского посада, а значит, в скором времени и крепости, должен был «виц-комендант Алексей Чоглоков», которому «во всем быть ему послушны».

Однако имя А.С. Чоглокова нельзя впрямую связывать со строительством «фортеции», хотя именно он после инспирированного скандала косвенно оказался причастным к старту масштабной работы. Получилось так, что в ноябре 1711 г. подозреваемого в злоупотреблениях олонецкого начальника, много сделавшего для процветания завода и слободы, срочно с при-

ходно-расходными книгами вызвали в Петербургскую канцелярию земских дел. Позднее А. Чоглоков изложил суть решительного царского «разноса». В ноябре 1727 г. в «Челобитной», поданной в Верховный тайный совет, комендант обрисовал, что произошло за несколько месяцев до начала строительства крепости у Онего. Обиженный Чоглоков вспоминал, что «его императорское величество изволил о заводских делах на меня... гнев свой возыметь и пред собственным своим лицом наказанием истязать по словесному своему... изволению», хотя «без письменного произведения». В результате имущества гордого чиновника описали, а его самого взяли под караул. Но вскоре государь простил исполнительного и талантливого администратора и назначил комендантом Ямбурга, а затем перевел земским комиссаром в Серпухов.

Временно заменивший А.С. Чоглокова комиссар Олонецкой верфи И.А. Тормасов, через несколько лет сделавший головокружительную карьеру, уже в январе 1712 г. доносил ингерманландскому ландрихтеру и петербургскому вице-губернатору Я.Н. Римскому-Корсакову о приказе строить у Олонца и на заводах некие «фортеции». Одновременно сообщалось о наборе для этих целей более 2000 человек.

Тогда же в июне 1712 г. в связи с ростом и срочностью адмиралтейских заказов государь повелевает объединить в одном лице функции начальника казенных заводов, коменданта «на Олонце» и руководителя Лодейнопольской верфи. Генерал-губернатор А.Д. Меншиков вынужденно «сдает» дела главе Адмиралтейского приказа генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину. Ну а первым адмиралтейским комендантом Олонецкого уезда на несколько месяцев становится малоизвестный Лука Сытин. Следовательно, к строительству петровской «крепостицы» могли приступить зимой 1712 г. при И. Тормасове или летом при Л. Сытине.

В то же время закладка крепости могла состояться осенью 1713 г., когда начальником и комендантом Олонецких заводов был назначен подполковник В.И. Геннин, до этого руководивший в Петербурге работами на Литейном (Пушечном) дворе и Пороховых погребях. Однако исследователи до сих пор не могут подтвердить эту «растиражированную» версию. Между тем вопрос о непосредственных строителях и условиях возведения цитадели у Онежского озера представляет не меньший интерес.

К тяжелой работе по возведению новых укреп-

лений, как ранее и защитного вала, скорее всего, привлекались черносошные крестьяне, собранные по рекрутскому набору, посадские и подъяческие дети, прочий «монастырский люд» Олонецкого уезда. Поражает география набора. Это Шуйский, Шунгский, Толвуйский, Кижский, Челмужский, Пудожский, Андомский, Шальский, Выгозерский, Селецкий, Семчезерский, Линдозерский погосты, Святозерская, Сямозерская, Кузарандская, Тубозерская волости, ну и, конечно, Повенецкий рядок. Также использовался труд приписанных к Олонецким заводам на «осудареву службу» крестьян из вотчин новгородского Юрьева, Тихвинского, Вяжицкого и Хутынского монастырей.

Жизнь «рабочих людей», строящих «крепостицу», безусловно, не была безопасной и комфортной. Крестьяне выражали протест, часто отказывались выходить на работу, блокировали несправедливые решения, организовывали саботаж, совершали побеги. Власть к «беглецам и ослушникам» вынужденно использовала карательные меры, хотя, по выражению В. Геннина, высказанному в записке Ф. Апраксину в 1714 г., такой люд «кнутом содержать» уже невозможно, «а вешать грех». Репрессии поражали жестокостью, беглецов наказывали кнутом «при многих рабочих людех», а жен и детей «бегунков» брали «за караул» как заложников и держали в особых амбарах, вкопанных «венцов десять в землю». Еще ранее указ А.Д. Меншикова от 15 июня 1708 г. гласил: «которые бежали, и тех сыскав, перевешав тут же на заводех» при женах «чтоб на них смотря, другие к побегу охоты не имели», а в одной из депеш любимец царя предписывал «беглецов, пятого вешать з жеребья».

Однако вернемся к «крепостице», возведенной в 1712–1713 гг. примерно в 90 саженях (около 192 м) от береговой черты Онежского озера, и постараемся ответить на вопрос, что она из себя представляла. Исходя из плана М. Витвера, деревоземляная цитадель с шестью бастионами, куртинами и редутами имела «розмерения» 100 x 80 саженей (213,0 x 170,4 м) и по своей оси была вытянута по меридиану.

Между тем наиболее занимательной особенностью заводской «фортеции» является ее геометрическая схожесть с формой Санкт-Петербургской «крепости, которая ныне есть». Конфигурация оборонительных сооружений на «Чертеже» Матвея Витвера фантастическим образом соотносится с изображениями наиболее архаических «ленд-карт» Санкт-Петербургской крепости из собрания Рукописного отдела Российской

библиотеки Академии наук. Укажем безымянный «План Петербургской крепости. Контурный план тушью» с масштабной линейкой, который, скорее всего, принадлежит руке авантюрного французского инженера Жозефа Гаспар Ламбер де Герэна, в 1702 г. преодолевшего в карельских «суземках» легендарную «Осудареву дорогу», а также проектно-фиксационный «Совмещенный план деревоземляной и каменной Санкт-Петербургской крепости. Около 1706 г.».

Если скорректировать масштаб, деревоземляная олонечкая цитадель 1712–1713 гг. и петербургская крепость на Неве 1703–1704 гг. по существу «сливаются» при наложении друг на друга. Интересно, что в отличие от бастионов крепости на Заячьем острове, получивших имена героев «Осударевой дороги» А.Д. Меншикова, А.М.Зотова, Г.И. Головкина, К.А. Нарышкина, Ю.Ю. Трубецкого и самого царя, укрепления на Онежском озере оказались безымянными.

Как бы там ни было, М. Витвер на «Чертеже» 1722–1723 гг. под цифрой «1» изобразил классическое, с контрфорсными признаками многоугольное сооружение, обнесенное палисадом, которое назвал «Город».

Заводская крепость имела шесть пятиугольных укреплений с выступами для успешного контроля пространства вдоль стен. Согласно традиции большинство русских крепостей в начале XVIII в. именовались «городами». Во всяком случае «полудержавный властелин» А.Д. Меншиков, «ведущий» возведением петербургской цитадели, в письмах царю 1703 г. сообщал, что «городовое дело управляется как надлежит», «городовое дело в добром порядке» и подчеркивал: «городовое здесь дело без меня не таково».

Между тем «Чертеж» М. Витвера у нашего современника формирует впечатление, что олонечкая «фортеция» предназначалась не для «прямой» обороны завода от нападения шведов, а лишь для защиты личных интересов руководства. Не случайно внутри «Города» обозначен «Дом камендацкой» с палисадом, заводская контора, здание «Архива каменная», с чугунными дверьми и решетками в проемах, и тюрьма. На территории крепости также разместились «заводская лаборатория», 2 караульни при воротах, «оружейной анбар в городе» (имеется в виду арсенал), 2 казенных «анбара», 14 провиантских и 16 казенных лавок.

Внутри «фортеции» отмечена «Церковь бож(и)я», пожалуй, самая архаическая постройка, относящаяся предположительно к 1704–1705 гг.,

а рядом с летним храмом во имя первоверховных св. апостолов Петра и Павла артиллерист указал «Часовую башню» с колокольными курантами.

И все-таки сегодня не совсем ясно, почему за периметром крепости оказались здание «Концелярии» горного округа, «Тюремный двор», а также, что поразительно, «Двор цейхквтера» и «Пороховой погреб». До сих пор непонятно, почему М. Витвер оставил «немыми», без цифровых и содержательных пояснений, около сорока хозяйственных и административных строений.

Однако одна завораживающая неточность нас поражает более всего. Речь идет о том, что даже «Дом царского величества» по ошибке отмечен два раза. В этом смысле выдвинем полуфантастическую

версию, быть может, «ленд-карта» крепости и посада, имеющая нестыковки, учитывала возможность попадания в руки неприятеля и предназначалась, в том числе, для дезинформации шведских лазутчиков и агентов.

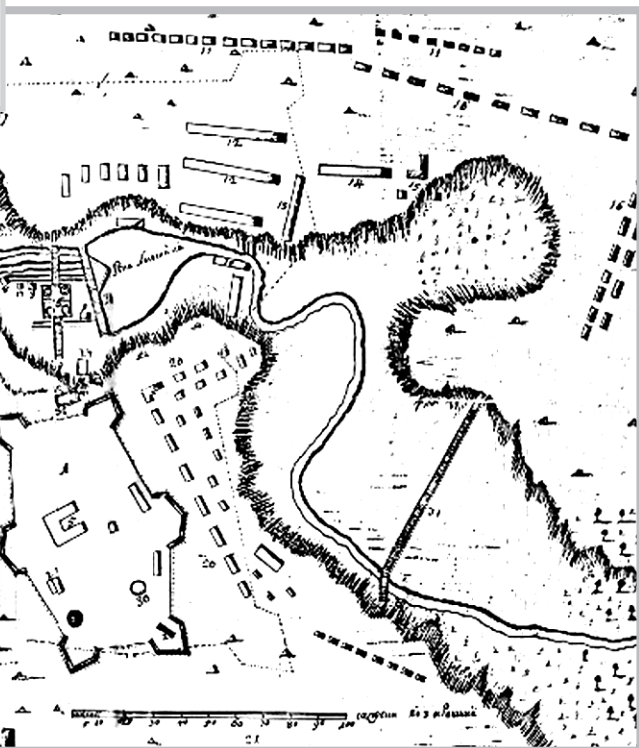
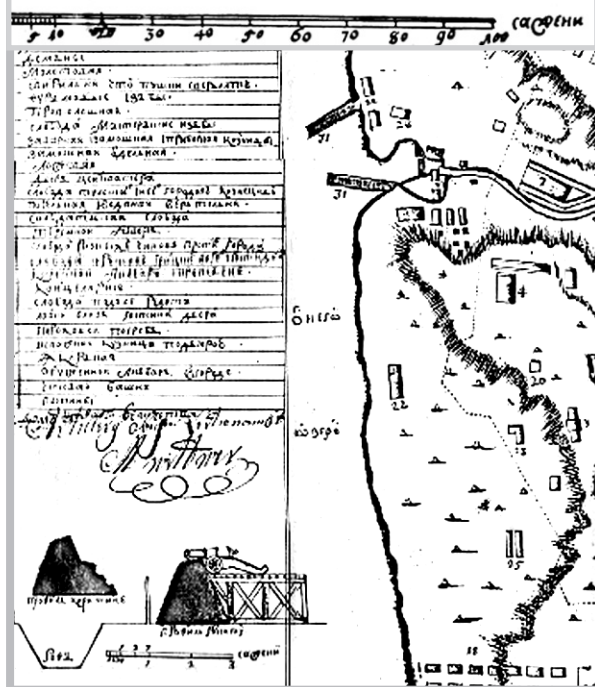
Это значит, что доверять данным картографического источника надо с разумной «оглядкой». Тем не менее уникальный фиксационный «Чертеж» М.М. Витвера является пока единственным документом, который помогает воссоздать в пространстве спорные и малопонятные, но увлекательные обстоятельства истории индустриального центра в Шуйском погосте.

Но главное, обращаясь к карте Петровской слободы (топоним, появившийся в XIX в.), исследователи способны реконструировать инженерное своеобразие и артиллерийскую боеготовность петровской «фортеции». Согласно «ленд-карте», артиллерийские орудия, подобно Петербургской крепости на Неве, были расставлены так, чтобы держать местность и береговое пространство под перекрестным обстрелом. Ниже экспликации и 3-саженной масштаб-

Фортеция с плана
М. Витвера

Чертеж М. Витвера
1722 – 1723 гг.

ной линейки инженер вмонтировал в «Чертеж» три контурных рисунка «Профиль куртине», «Ровъ» и «Провиль раскату». Изображения выполнены пером, один рисунок фиксирует орудийную площадку с базовой деревянной конструкцией, на которой установлена пушка с лафетом. Другой контрастный рисунок изображает профиль куртины, а третий – глубину и конфигурацию рва.

Теперь стало ясно, что высота куртины и, очевидно, самого бастиона равнялась 1,5 сажени (3,2 м). Ширина вала в основании составляла 2 сажени (в пределах 4,26 м), а глубина эскарпированного рва – около сажени (примерно 2,13 м) при аналогичной ширине донной площадки рва и ширине «провала» около 4,26 м.

Ров «фортеции» отстоял от внешней стены цитадели на 1,5 сажени. Любопытно, что в Петропавловской крепости на Неве «канал» между Петровской и Васильевской куртинами имел ширину 2,5 сажени (около 5,33 м), что также сопоставимо со рвом «фортеции» на берегу Онежского озера. Однако был ли ров «карельской» цитадели укреплен булыжником или рядами, как в Петербурге, заполнялся ли он водой – сказать трудно. В ходе археологических работ на территории слободы в 2000 г. исследователи на глубине 25-30 см от дневной поверхности, рядом с «путевым дворцом Петра I», зафиксировали некое гидротехническое сооружение с трубой для транспортировки воды.

Значит, технология подъема воды могла использоваться для наполнения рва вокруг крепости. Известно и то, что вододействующие механизмы с подпорными запрудами и насосами на Олонецких заводах в начале XVIII в. имели широкое распространение. Так, с помощью специальных механизмов из шахт медного рудника Падмозерского завода мастера успешно откачивали воду. Между тем сомнения в возможности существования «водного кольца» у цитадели связаны с удаленностью фортеции от береговой линии и с тем, что Витвер не отметил никакой «водной» машины, наподобие той, которую в 1717–1721 гг. указал берлинский мастер Г.П.Буш на «Плане крепости, города и местоположения С.-Петербурга».

Однако вернемся к «розмерениям» заводской «фортеции». Ширина куртины в верхней части составляла 0,5 сажени (около 1,07 м), а подошва насыпного вала достигала 3,73 м.

Нам также известно, что длина «раскату» – орудийного помоста из бревен, смонтированно-

го с внутренней стороны насыпного вала, достигала 4,26 м.

Мощный бревенчатый настил был расчетливо оторван от земли на одну сажень и представлял прекрасно спроектированную столбовую конструкцию с крепкой плотницей диагональной «перевязкой». Пушечная площадка, вероятно, имела «въезд» для закатывания орудий и подъема артиллеристов. На «раскату», особенно в сторону береговой линии озера, «бонбандиры» скорее всего устанавливали несколько пушек в ряд. Размеры боевой площадки позволяли орудия после артиллерийского залпа безопасно, в том числе для команды пушкарей, делать полный откат. В момент выстрела орудие обслуживали не менее пяти человек, а на бревенчатом помосте, кроме того, находились пирамиды с ядрами, в том числе цепными, бадьи с водой для охлаждения пушек, ведра с пыжами, бочки с поддонами для фитилей и запального пороха, подставки для приборников, банников и пыжовников, боевые фонари.

Обратим внимание: стены насыпной куртины с внутренней стороны фортеции имели многоугольный профиль с четко выраженными земляными нишами-уступами для солдат гарнизона, способных вести ружейную стрельбу по фронту атаки. Считается, что численность гарнизона онежской фортеции в 1710-х гг. составляла 325 солдат, хотя архивных подтверждений этому мы пока не нашли.

Уместно предположить, что в форс-мажорной ситуации олонецкий комендант мог привлекать «ленд-милицких» и «закомплектных» солдат, обязанных «служить» до потери трудоспособности, а также оружейных мастеров, владеющих ручным огнестрельным оружием. «Ленд-милицкие» набирались в военное время и распускались после завершения военной кампании. Ликвидация в 1716 г. «Олонецкого батальона» привела к образованию на территории Шуйского уезда более 300 «закомплектных» солдат. Исподушевлением «подмял» под заводские нужды оказавшихся не у дел «нолончан». В случае появления «летучих» отрядов шведов «закомплектные» солдаты обязывались тут же вставать в строй на помощь боевому гарнизону крепости. В мирное время их положение было почти критическим. Размер годового жалованья составлял минимальную сумму от 10 руб. 80 коп. до 12 руб. с обычной «добавкой» в 3 четверти хлеба. В отличие от «закомплектных» и «ленд-милицких»,

гарнизонные солдаты наделялись широкими правами с возможностью влиять на решения военного суда и даже утверждать приговоры.

Теперь о том, что касается степени боевой «состоятельности» олонецкой «крепостицы». К сожалению, архивные источники не проясняют вопрос об артиллерийском парке гарнизона, месте отливки, количестве и калибре орудий, а также о численности пушкарских и в целом гарнизонной команды. Мы можем допустить, что орудия «крепостицы» изготавливались на Петровском заводе, хотя армейская продукция олонецких металлургов в основном отправлялась «к флоту». Исходя из масштабного рисунка М. Витвера, длина ствола «условной» пушки равнялась 1 сажени, а, соответственно, лафета – около 3,2 м. Это значит, орудие допустимо соотносится с пушкой 6-фунтового калибра.

Косвенно о количестве орудий «фортеции» свидетельствует один малоизвестный факт. Оказывается, в честь А.Д. Меншикова, сенатора и президента Военной коллегии, при его въезде на им же основанный Петровский завод 22 июля 1719 года «палили с болверхов из 25 пушек». Однако было бы ошибкой считать упоминаемый «болверх» укреплением на «насыпи вокруг заводского поселения», то есть на внешнем валу, о котором упоминает петрозаводский исследователь Д.З.Генделев. Пушки, которые видел и слышал генерал-фельд-

маршал, без сомнения, могли находиться только на бастионах «крепостицы».

Рассуждая о петровских укреплениях, нельзя не упомянуть картосхему «Примерный план, снятый в 1810 году в Петрозаводске...», подготовленную шихмейстером Т.В. Баландиным. Работа, выполненная через столетие на основе глазомерной съемки и по воспоминаниям просвещенных горожан и «старцев», хотя и страдает условностью, все же подтверждает существование части петровской крепости – «малозначущих развалин», обращенных к озеру.

И, наконец, подчеркнем: несмотря на краткосрочность существования загадочных оборонительных укреплений в заводском посаде Шуйского погоста, столь похожих на Петропавловскую крепость, они с честью выполнили свою историческую миссию.

Решительные акции русских войск на землях «Балтийского вала» привели к подписанию со Шведским королевством в 1721 г. Ништадтского договора и к ликвидации угрозы прямого «разора» металлургического центра на Онего. Линия заводской защиты в слободе потеряла политический смысл, а сам Олонецкий уезд надолго приобрел статус «тыловой территории».

□

Михаил Юрьевич ДАНКОВ

родился в 1954 году в г. Архангельске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

*Научный сотрудник Карельского
государственного краеведческого музея.*

*Публиковался в научных сборниках, альманахах,
журналах «Север», «Карелия», «Музеи России»,*

«Экохроника» (Санкт-Петербург), «Чело» (Великий Новгород).

Научный руководитель исторического проекта «Осударева дорога».

